

Роберт Луис Стивенсон

Остров Голосов

Вечерние беседы на острове

Роберт Льюис Стивенсон

Остров Голосов

«Public Domain»

1893

Стивенсон Р.

Остров Голосов / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1893 — (Вечерние беседы на острове)

«Кеола, женись на Леуа, дочери Каламака, колдуна молоканского, жил в одном доме с отцом своей жены. Не было человека умнее этого пророка: он читал по звездам, гадал с помощью злых духов по телу умершего, поднимался один на вершины высоких гор в область горных эльфов и ловил в западню души предков...»

Роберт Стивенсон Остров Голосов

* * *

Кеола, женись на Леуа, дочери Каламака, колдуна молоканского, жил в одном доме с отцом своей жены. Не было человека умнее этого пророка: он читал по звездам, гадал с помощью злых духов по телу умершего, поднимался один на вершины высоких гор в область горных эльфов и ловил в западню души предков.

Поэтому ни к кому во всем королевстве Гавайском не обращались так часто за советом, как к нему. Благоразумные люди руководствовались его советами в жизни при покупках, при продаже, при женитьбе и даже сам король два раза вызывал его в Кону для разыскания сокровищ Камеамеа. Никого так не боялись. Некоторые из его врагов исчахли от болезни, испорченные его колдовством, а некоторые прямо похищались и исчезали, так что потом люди напрасно искали хотя бы одну косточку их тел. Ходили слухи, что он обладает искусством или даром древних героев. Люди видели его ночью на горах, шагающим с одного утеса на другой, видели его ходившим в лесу, причем голова и плечи его были выше деревьев.

Странный был человек этот Каламак. Он был по происхождению чистокровный молокаец и мауи, но лицом он был блее любого иностранца, волосы у него были цвета сухой травы, а глаза красные и очень тусклые. На островах существовала поговорка: «Слеп, как Каламак, который видит насквозь завтрашний день».

О деяниях тестя Кеола знал немножко по слухам, несколько больше подозревал, а остального вовсе не знал. Но его смущала одна вещь: Каламак не жалел ни на еду, ни на питье, ни на платье и за все платил блестящими новенькими долларами. «Блестящ, как доллар Каламака» — было второй поговоркой на восьми островах. Однако он не торговал, не сажал ничего, жалования не получал, — иногда только получал за колдовство, — одним словом, понятного источника для такого количества серебряных монет не было.

Как-то раз жена Кеола отправилась в гости к Каунакакайе, на подветренную сторону острова. Все мужья уехали на рыбную ловлю; но Кеола был ленивая собака и лежал на веранде, наблюдая за прибоем волны к берегу, за летающими около утеса птицами. Его преследовала главным образом одна мысль — мысль о долларах. Ложась спать, он задавал себе вопрос, почему их так много, а просыпаясь утром думал, отчего они такие новенькие, словом, мысль эта никогда не покидала его. Но сегодня именно он был уверен в душе, что сделал некоторое открытие, потому что он, кажется, заметил место, где Каламак хранил свое сокровище, а именно запертую на замок конторку у стены гостиной, под портретом Камеамеа V и фотографической карточкой королевы Виктории в короне. Кажется, не позже вчерашнего вечера он нашел случай заглянуть туда, и мешок лежал пустой. То был день прибытия парохода. Ему был виден дым его у Калаупапа, и он должен был скоро прийти с провиантом: с консервами лососины, с джином и всевозможными роскошными редкостями для Каламака.

— Если он заплатит сегодня за товар, я буду знать наверное, что он колдун, и что его доллары идут из дьявольского кармана, — думал Кеола.

В это время к нему подошел тесть, очень сердитый на вид, и встал за ним.

— Это пароход? — спросил он.

— Да, — ответил Кеола. — Он зайдет в Пелекуну, а оттуда прямо сюда.

— В таком случае, делать нечего, придется взять в помощники вас, Кеола, за неимением лучшего. Пойдем в дом, — сказал Каламак.

Они вошли в гостиную, прелестную комнату, оклеенную обоями, увешанную картинами, с качалкою, столом и диваном в европейском вкусе. Кроме того, тут были еще этажерка, семейная Библия на столе и запертая на замок конторка у стены, так что всякий мог видеть, что это дом состоятельного человека.

Каламак велел Кеолу закрыть ставни, сам запер на ключ все двери, открыл конторку, достал из нее два ожерелья, увешанные талисманами и раковинами, пучок высушенных трав и древесных листьев и свежую пальмовую ветвь.

– Я намереваюсь сделать необыкновенно странную штуку, – сказал он. – В древние времена живали мудрецы, творившие среди прочих чудес и это чудо; но они делали его обыкновенно в пустыне ночью при свете звезд, а я сделаю его здесь в комнате среди бела дня.

Сказав это, он взял со стола Библию, положил ее на диван и закрыл подушкою, вынул циновку удивительно красивого рисунка и сложил на насыпанный в оловянную сковороду песок, пучки трав и листьев. После этого он и Кеола надели ожерелья и встали в двух противоположных углах циновки.

– Время наступает, – сказал колдун. – Не бойтесь!

Он поджег траву, забормотал что-то, размахивая пальмовою ветвью. Сначала было темновато из-за закрытых ставен, но травы ярко вспыхнули, осветив комнату, затем пламя поднялось над Кеолою, у него закружилась голова, в глазах потемнело, а в ушах звучало бормотанье Каламака. Вдруг циновку, на которой они стояли, точно дернули или вытащили быстро как молния, и в то же мгновение дом и комната исчезли... У Кеолы замер дух. Волны света прокатились над его головою, и он увидел себя перенесенным на берег моря под яркие лучи солнца и услышал шум прибоя. Оба они стояли на той же самой циновке, держась друг за друга, безмолвные, задышающиеся, закрывая глаза рукою.

– Что это было? – спросил Кеола, который опомнился первым, как более молодой. – Эта мука напоминала агонию.

– Ничего не значит. Теперь все кончено, – вздохнул Каламак.

– Но где мы, скажите ради Бога?

– Не в том дело, – возразил колдун. – Раз мы здесь, дело в наших руках, и нам следует приступить к нему. Пока я отдышусь, вы сходите к опушке леса и принесете по три пригоршни листьев такой-то и такой-то травы, таких-то и таких-то деревьев. Поторопитесь, потому что мы должны быть дома до прибытия парохода. Наше исчезновение может показаться странным.

Он сел на песок и вздохнул.

Кеола поднимался по песчаному и коралловому берегу, усеянному оригинальными раковинами, и думал: «Как это я не знал этого берега? Я опять приду сюда набрать раковин». Перед ним поднимался к небу ряд пальм, не таких, как на восьми островах, а высоких, свежих, прекрасных, склонявших увядшие веера, похожие на золото среди зелени.

«Странно, что я не видел этой рощи, – думал он. – Непременно приду сюда поспать в теплую погоду. Как вдруг стало тепло! – думал он, потому что в Гавайе была зима и день был прохладный. – А где же серые горы? Где высокий утес с лесом и порхающими птицами?».

Чем больше он думал, тем меньше понимал, в какую часть острова он попал.

По опушке леса росла у берега трава, а дальше уже шли деревья. Дойдя до деревьев, Кеола увидел молодую девушку, на которой не было ничего, кроме пучка листьев.

«Однако в этой местности не особенно заботятся о костюме!», – подумал Кеола и остановился, предполагая, что она заметит его и убежит; видя, что она продолжает стоять и смотреть, он начал громко петь.

Она вскочила при этом звуке, и на ее лице выразилось смущение, рот раскрылся от ужаса, и она стала осматриваться. Странно, что глаза ее ни разу не остановились на Кеоле.

– Здравствуйтесь! – сказал он. – Вам ни к чему пугаться, я вас не съем.

Только он успел разинуть рот, как молодая женщина убежала в кусты. «Странные манеры», – подумал Кеола и, долго не раздумывая, побежал за нею.

Девушка, убегая, кричала что-то на языке, на котором в Гавайе не говорили; однако, некоторые слова были те же самые, и он понял, что она предостерегает других, и увидел массу народа – мужчин, женщин и детей, бежавших и кричавших, как на пожаре. Тут он и сам испугался, отнес Каламаку листья и рассказал ему, что видел.

– На это не следует обращать внимания, – сказал Каламак. – Все это похоже на сон и тени: все исчезнет и забудется.

– Она как будто не видела меня, – сказал Кеола.

– Не видела и на самом деле, – ответил колдун. – Мы гуляем здесь невидимками при ярком свете в силу этих талисманов; но они нас слышат, и потому лучше говорить так же тихо, как я.

Он обложил циновку камнями, а в середину положил листья.

– Вы должны будете зажечь листья и поддерживать медленное горение. Я должен буду сделать свое дело, пока листья горят, и та же сила, которая принесла нас сюда, отнесет нас обратно, раньше, чем потемнеет пепел. Приготовьте спички и не забудьте позвать меня вовремя, чтобы огонь не догорел и я не остался здесь.

Как только листья загорелись, колдун выскочил из круга как олень, и давай бегать по берегу, точно выкупавшаяся собака. Бежая, он хватал раковины, и Кеоле казалось, что они сверкали, когда он брал их в руки. Листья горели ярким пламенем, быстро пожиравшим их. У Кеолы осталась только одна горсть, а колдун убежал очень далеко.

– Назад, – крикнул Кеола, – назад! Листья скоро догорят.

Каламак вернулся. Если раньше он бежал, то теперь летел; но как ни быстро он бежал, листья горели еще быстрее. Пламя почти догорало, когда он одним прыжком очутился на циновке. Ветер, произведенный его прыжком, потушил огонь, и с ним исчезли и берег, и солнце, и море, и они снова очутились в сумерках гостиной, и снова их встряхнуло и ослепило, а на циновке между ними лежала груда светлых долларов. Кеола подбежал к окну – на волнах качался пароход.

В тот же вечер Каламак отвел зятя в сторону и дал ему пять долларов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.